

и людей Авдотьи Тинмаметовой приказали пытать, поместья и движимое имущество князей конфисковали, а самих изменников отправили в ссылку.

Имеются в работе и отдельные неточности. Так, по мнению А.П. Павлова, кн. Семён Андреевич Урусов крестился незадолго до пожалования в стольники (25 декабря 1633 г.) (Т. 1. С. 585). Однако кн. Семён родился православным от брака своего отца, Андрея Сатаевича (Сатыевича) с княжной Марией Васильевной Тюменской. Исследователь пишет о близости семьи Ляпуновых к боярам Шереметевым (Т. 1. С. 540). Это не совсем так. Данная близость возникла только благодаря женитьбе астраханского царевича Михаила Тайбулина (Кутлуг-Гирей бин Арслан-Али бин Абдула) на Марии Григорьевне Ляпуновой. Дело в том, что дядя царевича, также Михаил Кайбулин (Муртаза-Али бин Абдула) женился на дочери Ивана Большого Васильевича Шереметева. Её сестра Марья была замужем за кн. Василием Агишевичем Тюменским; их двоюродная сестра Елена, дочь Ивана Меньшого Васильевича Шереметева, стала женой сына Ивана Грозного, царевича Ивана Ивановича²⁴.

В монографии без ссылки на источник информации указано, что ногайское имя кн. Ивана Араслановича Урусова было Янсох (Т. 2. С. 228). Это не соответствует ногайским родословным росписям, где он указан как Тук²⁵. Зная, что точность и скрупулёзность являются отличительными чертами Павлова как исследователя, в данном случае нельзя заподозрить техническую ошибку, поэтому важно установить источник, содержащий альтернативные сведения. Отмечу также, что некорректно делать выводы о поместных и денежных окладах выходцев с Востока на единичных примерах (Т. 1. С. 585—586). Они становятся репрезентативными, когда мы можем сравнивать оклады, существовавшие синхронно, или же имеем возможность сравнивать оклады представителей разных поколений (помня, что оклады детей всегда уступали окладам родителей, по крайней мере, в начале их служебной карьеры).

Подводя итоги, отмечу, что для А.П. Павлова выявление «восточных сюжетов» в биографиях высшей московской знати не являлось специальной задачей, но, несмотря на это, ему удалось выявить и показать их положение в структуре Государева двора.

Александр Виноградов: Думные и комнатные люди царя Михаила Романова в дипломатических «ссылках» Российского государства с Крымским ханством

Alexander Vinogradov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Duma and room people of Tsar Mikhail Romanov in diplomatic contacts of the Russian state with the Crimean khanate

DOI: 10.31857/S086956870010782-1

Проблема роли правящей элиты Российского государства в преодолении политического кризиса Смутного времени, обозначенная А.П. Павловым как главная задача его исследования, предполагает рассмотрение участия её представителей в осуществлении дипломатических контактов. Выход из тяжелейшей внешнеполитической ситуации, в которой оказалось правительство царя Михаила Фёдоровича, потребовал привлечения к дипломатической деятельности наиболее компетентных представителей формирующегося двора нового

²⁴ Беляков А.В. Чингисиды в России XV—XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 109—110.

²⁵ РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 36.

государя. В рамках своего исследования Павлов только частично выявил роль отдельных лиц на различных направлениях внешнеполитической деятельности, так как это не являлось задачей его исследования. Поэтому при рассмотрении приведённого автором огромного фактического материала в отдельных случаях необходимо уточнить, как дипломатическая деятельность представителей политической элиты влияла на их положение в составе Государева двора, какую роль играли их родственные связи. Наиболее рельефно это прослеживается на примере лиц татарского происхождения, имевших родственные связи в сопредельных тюрко-татарских государственных образованиях — Крымском ханстве и Большой Ногайской Орде. Наиболее значительной фигурой из числа думных и комнатных людей царя Михаила Фёдоровича, задействованных в «ссылках» с Крымом, был кн. Г.К. Волконский.

Григорий Константинович стал окольничим 1 сентября 1615 г., «первый из рода Волконских, попавших в Думу». Павлов правомерно связывает пожалование князю чина окольничего с завершением его посольства в Крым (Т. 1. С. 196). Назначение кн. Волконского послом было совершенно правомерно и обусловлено его большим дипломатическим опытом «на крымском направлении». Впервые он отправился послом в Крым в начале лета 1601 г., но прибыл туда только через год, в июне 1602 г., после посольского съезда и размена под Царёвым-Борисовым. Посольство увенчалось заключением в июле 1602 г. русско-крымского договора, остававшегося в силе до начала Смутного времени. Успешная миссия Волконского не ознаменовалась упрочением его положения в составе двора царя Бориса Годунова, хотя ему и вернули отобранные при Иване Грозном земли в Алексинском уезде.

При царе Василии Шуйском дипломатические таланты кн. Волконского вновь оказались востребованы: в мае 1606 г. он отправился в Речь Посполитую, откуда вернулся в феврале 1607 г.²⁶ Второе посольство кн. Волконского в Крым в 1614—1615 гг. имело большое значение для упрочения внешнеполитических позиций Москвы в условиях продолжающегося военно-политического противостояния с Речью Посполитой²⁷. Григорий Константинович вместе со вторым послом дяком Петром Овдокимовым отбыл в Крым в июле 1614 г. В начале августа после посольского съезда и размена под Ливнами он двинулся в Крым, куда приехал в сентябре 1614 г. Сразу после прибытия Волконского и Овдокимову удалось заключить союзный договор с Крымом, но в дальнейшем крымская сторона попыталась изменить его условия, в связи с чем пребывание послов в Крыму затянулось до лета 1615 г. В июле 1615 г. после посольского размена под Валуиками посольство двинулось в Москву, куда и прибыло в августе. Таким образом, пожалование кн. Г.К. Волконскому чина окольничего 1 сентября 1615 г. непосредственно связано с успешным осуществлением дипломатической задачи: посольство явилось одной из наиболее успешных миссий, отправленных в первые годы правления царя Михаила Фёдоровича, позволив установить практически союзные отношения между Москвой и Бахчисараем в условиях военного конфликта с Речью Посполитой²⁸.

²⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 137. М., 1912. С. 197—198, 295.

²⁷ *Виноградов А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614—1615 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2019. Т. 24. № 2. С. 158—174.

²⁸ *Лисецев Д.В.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006. С. 272—273; *Новосельский А.А.* Борьба Московского госу-

Павлов отмечает, что с 1619 г. и вплоть до кончины в марте 1634 г. кн. Волконский почти непрерывно служил в Москве (Т. 1. С. 330). Однако и в эти годы Волконский привлекался к дипломатической деятельности на крымском направлении, что помимо переговоров с крымскими послами в Москве предполагало выезды из столицы для участия в посольских разменах. Весной 1620 г. кн. Григорий Константинович был первым «разменным» послом под Валуйками²⁹. Ту же миссию он выполнял в 1625 г.³⁰, а последним его назначением (1634) стало отправление «на розмену» под Валуйкой (он, однако, скончался, не доехав до Тулы)³¹. В ходе многочисленных дипломатических миссий Волконскому пришлось контактировать со многими представителями московской политической элиты. Наиболее успешным явилось его сотрудничество с сопровождавшим его летом 1614 г. в Ливны в качестве первого «разменного посла» окольничим кн. Г.П. Ромодановским.

Григорий Петрович Ромодановский, «видный человек при дворе царя Михаила в первые годы его царствования» (Т. 1. С. 198), лишился боярского чина, пожалованного ему Сигизмундом III, и вернул его только в декабре 1615 г. Павлов, рассматривающий государственную деятельность кн. Ромодановского после 1613 г., лишь мельком отметил, что он летом 1614 г. ездил в Ливны «для размены» с крымскими послами. Между тем назначение первым «разменным» послом являлось ответственной дипломатической миссией. С момента начала практики организации посольских съездов и разменов с Крымом «разменными» послами назначались видные представители Государева двора. Миссия Григория Петровича под Ливнами оказалась исключительно трудной: ему пришлось иметь дело с опытным крымским вельможей беком Ахмед-пашой Яшлавским, проводившим посольские съезды и размены в 1593 и 1602 гг. Однако при поддержке кн. Волконского Ромодановскому удалось справиться с поручением и заключить 5 августа 1614 г. предварительный союзный договор с Крымом³². Это был третий и последний посольский съезд и размен с Крымом, предусматривавший переговоры «разменных послов» и заключение предварительного договора. Дальнейшие «размены», проходившие с лета 1615 г. под Валуйкой, имели иной статус. Успешная дипломатическая миссия 1614 г., несомненно, повлияла на карьеру Григория Петровича, но осложнила, как будет показано ниже, его отношения с влиятельными думными людьми царя Михаила Фёдоровича.

Роль думной и придворной элиты в дипломатических связях с Крымом при царе Михаиле не исчерпывалась непосредственным участием в них. В составе Государева двора уже в 1613 г. оказались выходцы из крымской знати — князья Сулешевы, обоснованно отнесённые Павловым к числу «представителей выезжей иноземной знати, весьма высоко стоявших в служебно-местническом отношении»³³. Князь Юрий Яншеевич Сулешев, стольник при царе Василии Шуйском, боярин с февраля 1615 г., при царе Михаиле Фёдоровиче был заметной фигурой в правительственных кругах. Влияние на его карьеру родственных связей с крымской знатью отмечено в отечественной историографии. Павлов

дарства с татарами в XVII веке. М.: Л., 1948. С. 83—84.

²⁹ Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии (далее — ДР). Т. I. СПб., 1850. Стб. 433; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 102—103.

³⁰ *Петров К.В.* Делопроизводство Разрядного приказа XVI—XVII вв. в официальных и частных рукописях. Исследования и материалы. М., 2018. С. 288.

³¹ ДР. Т. I. Стб. 366—367.

³² *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 83.

³³ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба... С. 16.

правомерно указал, что «приближение князя Ю.Я. Сулешева, выходца из знатного и видного крымского рода, ко двору обуславливалось во многом внешнеполитическими соображениями» (Т. 1. С. 192). Род беков Яшлавских, именовавшихся в русских источниках «князьями Сулешевыми», принадлежал к одной из младших ветвей клана Кипчак³⁴. Наиболее известным представителем этого рода, претендовавшим на наследственное «амиатство» (особые полномочия, полученные от хана) в дипломатических связях с Москвой, был «ближний человек» хана Девлет-Гирея I бек Сулеш³⁵. Ему и его старшему сыну беку Мураду удалось добиться назначения послами в Россию представителей исключительно своего рода. С 1591 до осени 1614 г. род Яшлавских возглавлял второй сын Сулеша — бек Ахмед-паша, родной дядя Юрия Яншеевича. Появление русских «князей Сулешевых» в источниках отмечено в конце правления Бориса Годунова³⁶.

При рассмотрении происхождения Сулешевых Павлов, основываясь на сведениях «выписки о приезжавших на Москву царевичах и черкасских и Ногайских мурзах с 1552 по 1618 гг.», отметил, что их отец Еньша Сулешев приехал «от крымского царя в послех» к царю Фёдору Ивановичу и остался служить в Москве (Т. 1. С. 220). Это не совсем так: Еньша-мурза прибыл от хана Мухаммед-Гирея II к Ивану Грозному летом 1582 г. после посольского размена под Путивлем. Так как отправленное тогда посольство кн. М.Ф. Бярятинского «погромили» на пути в Крым «черкасы», а брат Еньши-мурзы бек Мурад Сулешев, ответственный с крымской стороны за посольский размен, не принял должных мер к обеспечению безопасности русской миссии, Еньшу-мурзу задержали в Москве. В 1584 г. хан Мухаммед-Гирей II был смещён с престола Портой и погиб. Через несколько месяцев его сын Сеадет-Гирей вторгся в Крым и сверг поставленного османским султаном хана Ислам-Гирея II. Эти события, известные в русских источниках как «ссора великая в Крымском юрте», сыграли решающую роль в появлении русского боярского рода князей Сулешевых. После провала мятежа сыновья Мухаммед-Гирея II попросили помощи у Москвы. Борис Годунов приложил все меры к официальному признанию русской стороной Сеадет-Гирея II крымским ханом. Крымская знать раскололась на приверженцев Ислам-Гирея II и Сеадет-Гирея II. Раскол затронул и род Яшлавских. Брат Еньши-мурзы бек Мурад остался в составе дивана Ислам-Гирея II, но прежнего влияния уже не имел. Другие представители рода вошли в состав «двора» Сеадет-Гирея II и его брата Мурад-Гирея, с 1586 г. жившего в Астрахани³⁷. Вероятно, это побудило Еньшу-мурзу признать ханом Сеадет-Гирея, что вызвало резкую реакцию со стороны Ислам-Гирея II и навсегда лишило Еньшу-мурзу возможности вернуться в Крым. В России Еньша-мурза обладал исключительно высоким статусом; после него остались сыновья Юрий и Василий³⁸. Павлов справедливо отметил, что на карьеру

³⁴ *Беляков А.В.* Крымские выходцы в России: служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 145—146.

³⁵ *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005. С. 28—42; *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560-х — 1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской документации // Восток (ORIENS). 2006. № 5. С. 28.

³⁶ *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII вв. М., 2004. С. 293, 379.

³⁷ *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства... С. 36—37.

³⁸ *Беляков А.В.* Крымские выходцы в России... С. 145.

Сулешевых при дворе Михаила Фёдоровича во многом влияли их родственные связи, в первую очередь с князьями Черкасскими, но важную роль играло и родство с крымской знатью.

18 сентября 1613 г., в разгар подготовки к отправлению в Крым посольства А. Лодыженского и П. Данилова, произошёл любопытный местнический «случай». Со стольником кн. Ю.Е. Сулешевым пытался местничать при назначении рындами на церемонию приёма персидского посла стольник И.П. Шереметев, которому указали, что ему «с князем Юрием быть мочно по его иноземству»³⁹. Тем самым был признан высокий статус князей Сулешевых как представителей одной из наиболее знатных фамилий Крыма. При разборе дела царь с боярами подробно рассмотрели родственные связи Юрия Яншеевича: «Сколь велик в Крыму князь Юрьи Сулешев... И бояре говорили: в Крыму Ахмед-паша Сулешев у царя ближний и великий человек, а князь Юрьи ему племянник»⁴⁰. К сожалению, Павлов при рассмотрении этого дела не указал на роль Ахмед-паши в русско-крымских «ссылках», хорошо известную в Москве и не нуждавшуюся в уточнении. Родственные связи Юрия Яншеевича в Посольском приказе рассчитывали использовать. Однако при переговорах с Ахмед-пашой Яшлавским кн. Ю.Е. Сулешева не упоминали, и в дальнейшем ни он, ни его брат Василий никогда не привлекались к «ссылкам» с Крымом.

Во время посольского съезда и размена под Ливнами Ахмед-паша жёстко конфликтовал с «разменным» послом кн. Г.П. Ромодановским. В дальнейшем этот конфликт вылился в неприязненные отношения Ромодановского с московскими родственниками Ахмед-паши, увенчавшийся в августе 1621 г. местническим спором Григория Петровича с Юрием Яншеевичем из-за мест за царским столом, в котором Ромодановский потерпел поражение⁴¹. Павлов обратил внимание на утрату князьями Юрием и Василием Сулешевыми их позиций при дворе к началу 1640-х гг. и предположил, что «отстранение от дел братьев Сулешевых могло быть обусловлено недоверием к этим знатым выходцам из Крыма в связи с обострением взаимоотношений между Россией и Крымским ханством во второй половине 30-х — начале 40-х гг. XVII века» (Т. 1. С. 494). Это предположение нуждается в уточнении. 1620—1630-е гг. ознаменовались конфликтами между практически всеми московскими дипломатическими представителями в Крыму и беками Яшлавскими, что происходило на фоне обострения русско-крымских отношений и политической нестабильности в Крыму⁴². Это, разумеется, не способствовало укреплению положения Сулешевых в составе Государева двора. Тем не менее постепенная потеря влияния князей Сулешевых была вызвана в первую очередь изменениями в расстановке сил при дворе царя Михаила (что подробно рассмотрено в исследовании Павлова). Следует признать, что на карьере братьев Сулешевых наибольшее влияние оказали их родственные связи с представителями московской знати романовского круга, особенно в первые годы правления Михаила Фёдоровича, но и значение крымских родственных связей не подлежит сомнению.

Можно констатировать, что исключительная роль Крымского ханства в осуществлении внешнеполитического курса правительства Михаила Фёдоровича существенно повлияла на судьбы представителей Государева двора, вов-

³⁹ ДР. Т. I. Стб. 170.

⁴⁰ Разрядная книга 1598—1638 гг. Т. 2. М., 1975. С. 304.

⁴¹ ДР. Т. I. Стб. 477, 478.

⁴² Новосельский А.А. Указ. соч. С. 124—127, 186—189.

лечённых так или иначе в осуществление контактов с Бахчисараем. Подробное исследование этой проблемы выходит за рамки задач, поставленных Павловым. Необходимо также учитывать, что на взаимоотношения внутри политической элиты времени Михаила Фёдоровича во внешнеполитическом аспекте прежде всего влияли проблемы противостояния с Речью Посполитой, что достаточно подробно отражено в обсуждаемом исследовании.

Михаил Акишин: *Фундаментальное исследование, открывающее новые аспекты познания взаимоотношений самодержца с думными и комнатными людьми*

Michael Akishin (Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia): A fundamental research revealing new aspects of understanding relationship of the tsar with Boyar Duma and Royal courtiers

DOI: 10.31857/S086956870010783-2

Обсуждаемый труд А.П. Павлова, видимо, войдёт в золотой фонд российской исторической науки. Он посвящён просопографическому исследованию думных и комнатных людей царя Михаила Романова; критерии для выделения этой социальной группы определены историком как «сочетание происхождения... с реально высоким служебно-местническим положением» (Т. 1. С. 36—37). Для реализации темы исследования автор использовал обширный массив уже введённых и впервые вводимых им в научный оборот исторических источников, на основе которых составлена база данных для динамической просопографии думных и комнатных людей 1613—1645 гг., нашедшая отражение в монографии. При этом он существенно дополнил генеалогические и биографические исследования своих предшественников данными о службах и землевладении представителей княжеско-боярской аристократии.

Как и всякое фундаментальное исследование, труд Павлова открывает новые аспекты познания изучаемой проблемы, в частности взаимоотношений российского самодержца с думными и комнатными людьми. При анализе изменений в составе думных и комнатных людей в 1613—1645 гг. автор исходит из положения о том, что в годы опричнины и Смуты происходило «падение значения родовой княжеско-боярской аристократии» (Т. 1. С. 443). На избирательном соборе 1613 г. проявились противоречия между земскими воеводами и Боярской думой, взаимно ослабившие их позиции, что позволило юному царю и его матери сформировать в Думе ядро из своих родственников и свойственников. Павлов доказывает: «Придворный клан во главе с матерью царя после 1613 г. оказался, по существу, единственной сплочённой политической силой, способной взять реальные бразды управления в стране» (Т. 1. С. 777).

После возвращения в 1619 г. из польского плена Филарета и принятия им патриаршества наступил уникальный в истории высшей власти период соправления двух «великих государей» — царя и его отца. В трудах В.О. Ключевского и Б.Ф. Поршнева была сформулирована концепция «двоевластия», подавления воли молодого царя его отцом, «временщиком» Филаретом⁴³. С корректировкой этой концепции выступил Е.Д. Шташевский, указавший на то, что патриарх уважал prerogatives самодержавной власти своего сына, и «программа» Филарета, усилив абсолютистские тенденции в развитии Русского государства,

⁴³ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. М., 1998. С. 124; Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 413 и др.